

ИМПЕРАТОРЪ.

114

Ebers

ИМПЕРАТОРЪ.

Imperator

РОМАНЪ

ГЕОРГА ЭБЕРСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЦКАГО

М. Г. МИНУТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

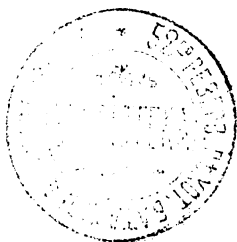
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Графія (бывшая) А. М. Котомина, у Обух. м., д. № 93.

1881.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Марта 1881 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Анна просидѣла у больной до утра и безпрестанно перемѣняла освѣжающія примочки на ея больной ногѣ и на раненой головѣ.

Старикъ врачъ, казалось, былъ доволенъ состояніемъ своей пациентки, приказалъ вдовѣ немного прилечь и на часокъ оставить ея юную подругу одну.

Когда Марія осталась наединѣ съ больной, и приложила ей первую перевязку, Селена посмотрѣла на нее и сказала.—Ты значить тоже была вчера вечеромъ въ Лохии. Расскажи мнѣ, что тамъ дѣлается. Кто тебѣ указалъ нашъ домъ и видѣла ли ты моихъ маленькихъ сестеръ?

— Ты еще не совсѣмъ оправилась отъ лихорадки и я не знаю можно ли съ тобой много говорить, но отъ души готова сказать тебѣ все, что ты хочешь знать.

Эти слова звучали добротой, глаза некрасивой дѣвушки свѣтились мягкимъ блескомъ и она дружелюбно ласково глядѣла на больную.

Селена внушала ей не только участіе и сожалѣніе, но и восхищеніе, потому что была очень красива, такъ была не похожа на нее самое, и каждый разъ какъ больная прикасалась къ ней, бѣдной безобразной дѣвушкѣ было это такъ пріятно, какъ презрѣнному бѣдняку бываетъ дорога ласка вельможи.

Ея сутуловатая спина и смуглое лицо никогда еще не казались ей такъ уродливы, какъ сегодня въ сравненіи съ этой стройной, нѣжной дѣвушкой, съ такимъ милымъ, добрымъ и красивымъ лицомъ.

Но Марія, тѣмъ не менѣе, не чувствовала ни малѣйшей зависти. Она была счастлива тѣмъ, что могла помочь Селенѣ, служить ей, любоваться ею, несмотря на то, что Селена была язычница.

Ночью Марія искренно и горячо молилась, чтобы Господь воззрѣлъ на это прелестное, доброе существо, изцѣлилъ ее и исполнилъ ея душу любовью, умиленіемъ и вѣрою къ Искупителю — такъ же глубоко, какъ это испытывала она сама.

Нѣсколько разъ некрасивая сидѣлка порывалась поцѣловать больную, но не смѣла, ибо та казалась ей какимъ то высшимъ совершеннымъ созданіемъ.

Селена была очень слаба, но когда утихла боль она, благодаря ласковому дружескому уходу, почувствовала такой нравственный и тѣлесный покой, та-

кой полный душевный миръ, какъ бы на вѣки разсталась съ своими удручающими заботами.

Когда къ ней подходила Анна, Селена прислушивалась къ ея рѣчамъ и въ звукахъ ея голоса находила сходство съ своей покойной матерью, у нея замирало сердце.

Когда Марія приходила на фабрику папируса, она казалась Селенѣ горбатой и очень непріятной, но теперь она съ удивленіемъ примѣчала какіе у нея добрые глаза, ласковый голосъ, и заботливость, съ какой Марія такъ осторожно перевязывала ея раны, какъ бы страда... сама, все это вызывало Селену на благодарность.

Сестра Селены, Арсиноя, была истое александрійское дитя и получила отъ бѣдныхъ эллиновъ прозвище „дѣвушка Тирситъ“ и Селена сама ее зачастую такъ называла.

Теперь конечно она не думала объ этомъ гадкомъ прозвищѣ, а вспомнивъ о своей пріемной матери сказала:

— Лихорадка уменьшилась. Если бы ты мнѣ что нибудь рассказала, я бы меньше думала о своей несносной боли. Я тоскую по домѣ. Видала ли ты дѣтей?

— Нѣтъ Селена, я не входила къ вамъ, сторожиха мнѣ сказала, что я не найду ни твоего отца

ни сестры, а рабыня ушла покупать кушанье для малютокъ.

— Покупать? спросила съ удивленіемъ Селена.

— Старуха сказала, что идти къ вамъ надо черезъ большой дворъ, гдѣ работаютъ рабы и ея сынъ, который былъ въ то время у нее, вызвался меня провести. Онъ дѣйствительно довелъ меня, но ваши двери были закрыты и онъ мнѣ предложилъ передать порученіе его матери. Такъ я и сдѣлала, да къ тому же она показалась мнѣ разсудительной и доброй женщиной.

— Она такова и есть.

— И какъ она привязана къ тебѣ, когда я ей рассказала о твоихъ страданіяхъ, она горько заплакала и такъ жалѣла тебя, какъ бы ты была ея родной дочерью.

— Ты однако ничего не говорила о нашей работѣ на фабрикѣ, со страхомъ спросила Селена.

— Разумѣется ничего, вѣдь ты просила не говорить объ этомъ. Старушка посылаетъ тебѣ поклонъ и разныя пожеланія.

Нѣсколько минутъ обѣ дѣвушки молчали, потомъ Селена спросила:

— А сынъ привратницы слышалъ тоже, что со мной случилось?

— Да. Когда мы съ нимъ шли, онъ очень огор-

чался, но когда я сказала, что твоя раненая нога не помѣшаетъ тебѣ ходить, только ты не должна еще возвращаться домой, что тебя лечитъ хорошій врачъ, тогда онъ разозлился и началъ даже богохульствовать.

— Не припомнишь ли ты, что онъ еще говорилъ?

— Ничего пріятнаго, знаю только одно: онъ плакался на своихъ боговъ, что они, создавая прекрасное, портятъ свое твореніе, онъ ругалъ ихъ...

Говоря это, Марія опустила глаза, какъ будто такія непристойности произносила она сама, но Селена покраснѣла отъ удовольствія и, какъ бы оправдывая грубость ваятеля, сказала:

— Что же онъ правъ, выражаясь такъ рѣзко...

— Это все таки очень дурно, воскликнула съ упрекомъ горбунья.

— Что? спросила больная. Вы здѣсь живете тихо въ мирѣ и любви, я запомнила то, что говорила Анна и вижу теперь, что она поступаетъ во всемъ согласно съ вами. Для васъ боги очень милостивы.

— Богъ одинъ для всѣхъ.

— Даже и для тѣхъ, воскликнула Селена съ горящимъ взоромъ, кого дѣлаетъ несчастными, онъ ми-

лостивъ, отнимая мать у восьмерыхъ дѣтей, лишая бѣдныхъ ихъ дневнаго пропитанія!

— И для нихъ Господь милосердъ, прервала Анна, входя въ комнату къ больной. Я тебѣ расскажу когда нибудь о милосердномъ небесномъ Отцѣ, который печотся объ насъ, какъ о своихъ дѣтяхъ, но теперь ты должна успокоиться, ничего не говорить и не слушать, иначе лихорадка вернется. Теперь я тебѣ поправлю подушку, Марія сдѣлаетъ тебѣ новую перевязку и попробуй заснуть.

— Я не могу спать, возразила Селена, въ то время какъ Анна взбивала и поправляла ей изголовье. Расскажи мнѣ про твоего милосерднаго Бога.

— Послѣ, милая моя. Ищи и обращай, ибо онъ милостивъ ко всемъ страждущимъ.

— Къ страждущимъ? спросила Селена съ удивленіемъ, что сдѣлаетъ богъ въ своемъ олимпійскомъ величіи и веселіи тому, кто терпитъ горе?

— Тихе, тихе дитя, съ ужасомъ воскликнула Анна, видя какъ заметалась больная; ты скоро познаешь, какъ Богъ печотся о тебѣ и почувствуешь другую любовь!

— Другую? пролепетала Селена и ея щеки покраснѣли еще ярче.

Она подумала о Поллуксѣ и о томъ, какъ взвол-

новало его извѣстіе о постигшемъ ея горѣ, и что всетаки онъ такъ добръ къ ней.

Изъ того, что она примѣчала, когда приходила къ нему, она создала себѣ оправданіе своему увлеченію.

Онъ ей никогда прямо не говорилъ, что онъ ее любить. Да и къ чему было ему, художнику, сильному, надменному и въ то же время веселому юношѣ, шутить съ красивой дѣвушкой, если его сердце принадлежитъ другой?

Нѣтъ, онъ къ ней равнодушенъ; это она чувствовала еще въ ту ночь, когда служила ему моделью, это ясно видно изъ разсказа Маріи; такъ она сама смекала и чувствовала.

Чѣмъ больше она объ немъ думала, тѣмъ больше она припоминала, что еще будучи ребенкомъ она такъ охотно съ нимъ вмѣстѣ играла.

Ея сердце еще никогда не билось для другаго, но съ тѣхъ поръ, когда она снова свидѣлась съ Полуксомъ въ скульптурной мастерской, его образъ проникъ ей въ душу и чувство испытываемое ею было ничто иное какъ любовь. Полудремя, полубодрствуя, она представляла себѣ, что онъ вдругъ войдетъ въ этотъ тихій пріютъ, сядетъ къ изголовью ея постели и станетъ глядѣть на нее своими добрыми глазами. Увы, этого не могло случиться!

Нѣтъ, она должна успокоиться и не бередить своей раненой ноги.

— Тише, дитя, лежи, прошу тебя, сказала Анна, тебѣ вредно такъ много шевелиться.

Селена открыла широко глаза, потомъ вновь закрыла и продолжала еще долго грезить, пока ея покой не нарушили голоса въ саду.

Анна вышла изъ дому, ея голосъ смѣшался съ другими голосами и когда она снова вошла къ больной ея щеки пылали и она не вдругъ нашла, что ей сказать и какъ ей объяснить кто приходилъ и зачѣмъ.

— Сейчасъ приходилъ какой-то высокій мужчина, очень молодой, наконецъ сказала Анна, требоваль, чтобы его впустили къ намъ и когда сторожъ его не допустилъ, тотъ хотѣлъ войти силою. Онъ спрашивалъ тебя.

— Меня, спросила Селена, краснѣя.

— Да, дитя мое. Онъ принесъ большой, рѣдкой красоты букетъ и при этомъ сказалъ, что тебѣ посылаетъ поклонъ твой другъ изъ Лохіи.

— Мой другъ изъ Лохіи, пролепетала, раздумывая, Селена, но вдругъ ея глаза заблестали и она быстро спросила: Ты говоришь, податель букета высокій мужчина?

— Да, высокій.

— О, прошу тебя, Анна, вскричала Селена и попыталась приподняться, покажи мнѣ цвѣты!

— У тебя вѣрно есть женихъ, дитя? спросила вдова.

— Женихъ? нѣтъ, но это другъ моего дѣтства, художникъ, добрый малый и это вѣрно онъ принесъ мнѣ букетъ.

Анна съ участіемъ поглядѣла на больную и, подмигивая Маріи, сказала:

— Букетъ преогромный. Ты можешь его посмотреть, но онъ не долженъ здѣсь оставаться; запахъ такого множества цвѣтовъ можетъ тебѣ повредить.

Марія встала за кресломъ возлѣ изголовья больной и спросила шепотомъ:

— Вѣрно сынъ привратницы?

Селена, улыбаясь, кивнула головой и когда обѣ женщины вышли она повернулась на другой бокъ, приложила лѣвую руку къ сердцу и глубоко вздохнула. У ней звенѣло въ ушахъ и ея отуманенный взоръ заблесталъ.

Ей было трудно дышать и въ воздухѣ ей чудился запахъ цвѣтовъ.

Анна и Марія внесли огромный букетъ.

Глаза Селены засвѣтились и она въ восхищеніи всплеснула руками. Она просила, чтобы ей повертывали во все стороны душистый прелестный пода-

рокъ, уткнулась въ цвѣты и тайкомъ поцѣловала нѣжный лепестокъ чуднаго полураспустившагося бутона. Она опьянѣла отъ счастья и тихія слезы потекли по ея пылающимъ щекамъ.

Марія первая примѣтила въ тесѣмъ, которой былъ перевязанъ букетъ, воткнутую булавку въ видѣ стрѣлы. Она ее вытащила и показала Селенѣ, та быстро взяла ее. Все болѣе и болѣе краснѣя, она глядѣла на вырѣзанное на брошкѣ въ родѣ стрѣлы изображеніе спящаго Эрота.

Она не чувствовала болѣе никакого страданія, ее охватило горделивое радостное чувство.

Анна слѣдила съ безпокойствомъ за ея возбужденіемъ, мигнула Маріи и сказала:

— Ну, дочь моя, будетъ; мы поставимъ букетъ передъ окномъ, чтобы ты могла его видѣть.

— Уже, спросила съ сожалѣніемъ Селена и вытащила изъ букета нѣсколько фіалокъ и розъ.

Когда она вновь осталась одна, она отложила цвѣты и принялась любоваться на рисунокъ изображенный на застѣжкѣ. Это вѣроятно вырѣзывалъ на камнѣ братъ Поллукса, граверъ.

Какъ тонко былъ сдѣланъ рисунокъ, какъ замысловато придуманъ сюжетъ и какъ онъ выразителенъ! Ее только безпокоила толстая золотая оправа,

которая обращенная въ деньги принесла бы ей благосостояніе.

Она говорила себѣ, что несправедливо будетъ съ ея стороны принять такой подарокъ отъ бѣднаго юноши, который притомъ обязанъ содержать сестру. Но это все же было ей очень пріятно; повидимому, для него ничто не казалось достаточно драгоценно разъ дѣло коснулось подарка любимой дѣвушкѣ; потому она приучить его къ бережливости.

Женщины вошли въ комнату послѣ того, какъ онѣ съ большимъ усиліемъ приладили передъ окномъ букетъ и молча перемѣнили больной перевязки. Селена тоже не была расположена говорить, она въ сердцѣ давала обѣты любви, и ея взоръ на что бы не обращался, встрѣчалъ все милое сердцу. На постелѣ цвѣты, передъ окномъ букетъ, брошка въ рукѣ, возлѣ сидѣла добрая Анна, даже Марія казалась ей похорошѣвшей, она съ удовольствіемъ глядѣла на нее, потому что горбунья была почти ея другомъ, ея повѣренной. Марія знала Поллукса и Селена могла съ ней говорить о немъ.

Селена не узнавала даже себя самое. Въ ея сердцѣ зима смѣнилась весной, ночь—днемъ; ея жизнь разцвѣла, какъ садъ весной. Прежде она не понимала шаловливую веселость Арсиной и другихъ дѣтей, она досадовала на ихъ безконечную рѣзвость; теперь